

А.О. ЗЕМЦОВ

КОНЕЦ «СИЛЬНОЙ РУКИ»? КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ НОРМАТИВНОГО ВЗГЛЯДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЯН

Аннотация. Статья посвящена изучению субъективных смыслов и мотиваций, которые определяют нормативный взгляд современных россиян на роль «сильной руки» в политической сфере. Ориентация на «сильную руку» рассматривается как одна из ключевых характеристик авторитарности в политической культуре россиян. Автор исследует, насколько востребована авторитарная ориентация, какова ее внутренняя структура, как именно она воспроизводится и рационализируется на уровне дискурса. Метод исследования — критический дискурс-анализ данных полуструктурированных глубинных интервью с респондентами из региональных и районных центров, а также сельской местности, входящими в самые консервативные социальные группы (выявленные автором в предыдущем исследовании на данных «Левада-Центра»).

Показано, что структура дискурса о «сильной руке» крайне противоречива и неоднородна. С одной стороны, на абстрактном, ценностном уровне ориентация на «сильную руку» широко востребована и устойчиво воспроизводится. Это понятие включает семь основных элементов, субъективных смыслов: «целостность», «порядок», «жесткость», «безальтернативность», «персонификация», «антиистеблишмент», «народность». С другой стороны, на личностном уровне, когда добавляются контекст, противопоставления, локализация, институциональные альтернативы и т. д., авторитарная ориентация может существенно терять свою значимость. Однако на дискурсивном уровне не появляется и устойчивых антиавторитарных альтернатив.

Автор приходит к выводу, что востребованность «сильной руки» не является следствием «особой» политической культуры, это констелляция ряда факторов: сохранность институтов авторитарного режима, стратегии адаптации к ним, последствия неудачного демократического транзита и травматичных реформ 1990-х гг., сознательная эксплуатация этой ориентации политической элитой и т. д. Однако, несмотря на это, есть основания полагать, что авторитарная ориентация переживает глубокий кризис, и он не может не сказаться на легитимации политического режима, для которого «сильная рука» является важнейшим символическим ресурсом.

Земцов Артем Олегович — стажер-исследователь, ассистент, Лаборатория сравнительных исследований массового сознания Экспертного института, Департамент политики и управления науки Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Адрес:** 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Телефон:** +7 (903) 543-78-27. **Электронная почта:** artyom.zemtsov@gmail.com

Ключевые слова: «сильная рука»; авторитарность; политическая культура; политические ориентации; критический дискурс-анализ.

Для цитирования: Земцов А.О. Конец «сильной руки»? Критический дискурс-анализ нормативного взгляда в политической культуре россиян // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 96–115. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7645

Между образом и понятием: о чем мы думаем, когда говорим о «сильной руке»?

Исследования политической культуры современных россиян традиционно рассматривают ориентацию на «сильную руку» и некоторые другие авторитарные политические ориентации в русле, с одной стороны, левадовской концепции «советского простого человека», а с другой — русской историософии. Несмотря на ряд достоинств, в подобных работах [4; 8] есть множество недостатков. Проблемы концептуализации нормативного взгляда на роль «сильной руки» в политической сфере, его операционализация, методологические изъяны, частое отсутствие эмпирических данных и эссенциалистские размышления об органическом авторитаризме россиян — все это уводит нас от ключевых исследовательских проблем. За этими подходами нет какой-то убедительной социально-политической теории, они не позволяют увидеть более сложные внутренние отношения, конфликты, субъективную рациональность ориентации на «сильную руку» у разных социальных групп россиян, репрезентации этого взгляда и контексты, в которых он существует.

Однако ориентация на «сильную руку» — это не только локальный историософский образ, как мы привыкли думать, но и устойчивое зарубежное понятие из области исследований политической культуры. Оно описывает нормативный взгляд на роль единоличного харизматичного лидера в политической сфере. «Сильная рука» выступает одним из ключевых индикаторов авторитарности в политической культуре, который вбирает в себя отношение к подчинению, господству, культ силы, иерархичность. Это и косвенный индикатор запроса на авторитарную модель правления, приемлемости концентрации власти, которая может восприниматься людьми как общественное благо [15]. Это понятие используется прежде всего в американских работах, в академической литературе оно конвенционально и употребляется без кавычек, имеет более десяти сопоставимых аналогов, например “strongman leader”, “strongman”, “strong leadership”, “strong leader”, “strongman rule”.

В последние годы эта линия исследований стала более востребованной, отчасти из-за волны популизма в странах Запада. В России у «сильной руки» существует своя давняя культурная и историческая традиция. О широкой востребованности этого взгляда в политической культуре россиян свидетельствуют и исследования «Левада-Центра» — данные репрезентативных опросов и результаты фокус-группы [2; 11]. Однако здесь мы сталкиваемся с необъяснимым парадоксом — несмотря на

явный академический и общественный интерес к этой теме в России, конкретных работ, изучающих ориентацию на «сильную руку» в российской политической культуре, строго говоря, практически нет. Мы можем говорить только о тех исследованиях, которые косвенно относятся к теме.

Эта работа является логическим продолжением моего предыдущего исследования нормативного взгляда на роль «сильной руки» в политической культуре современных россиян [6]. Его замысел заключался в количественном изучении социальной почвы авторитарной ориентации с помощью данных массовых опросов «Левада-Центра» — какие именно социально-демографические характеристики влияют на востребованность этой ориентации. Также исследовалась общая динамика востребованности этой позиции и то, как она менялась в зависимости от контекстов на протяжении последних 30 лет (это выявлялось с помощью различных вопросов-индикаторов ориентации). Ключевой же замысел настоящего качественного исследования — изучение субъективных смыслов и мотиваций, которые могут вкладываться современными россиянами в нормативный взгляд на роль «сильной руки» в политической сфере. Этот взгляд исследуется здесь с помощью критического дискурс-анализа на данных полуструктурированных глубинных интервью с жителями региональных и районных центров, а также сельской местности.

Главная интрига данного исследования заключается в том, что мы не совсем понимаем, как именно в условиях авторитарного режима воспроизводится этот нормативный взгляд на уровне обыденного дискурса современных россиян. Какие содержание, смыслы заключены для респондентов в этой ориентации, каковы ее внутренняя структура и внешние связи, например, с другими политическими взглядами, из каких элементов она (пере)собирается и воспроизводится, как они связаны между собой? Как именно в дискурсе россиян рационализируется (не)приемлемость «сильной руки» в политической сфере? Как именно соотносятся количественные и качественные оценки этой ориентации? Действительно ли этот взгляд так широко представлен в политической культуре современных россиян, или «неоконсервативный консенсус» [10], значимым элементом которого является «сильная рука», теряет свою высокую востребованность? Ответив на эти вопросы, мы сможем понять скрытые отношения власти (важнейшая проблема для критического дискурс-анализа), латентные механизмы легитимации политического режима, неявные стратегии доминирования, контроля, репрезентации социального порядка как «естественной» данности, выражаемые через дискурс.

К проблеме методологических оснований исследования «сильной руки»

Как было отмечено ранее, несмотря на постоянный интерес к ориентации на «сильную руку» в политической культуре современных россиян, как теоретических, так и эмпирических (особенно качественных) исследований по данной теме крайне мало. Мы можем встретить работы, в которых авторитарная ориентация упоминается лишь косвенно [21; 26]. Анализируя

эти исследования, можно заключить, что «сильная рука», с одной стороны, является важнейшим символическим ресурсом для российской политической элиты на уровне публичного дискурса, который легитимирует текущий политический порядок. С другой стороны, это устойчиво востребованная характеристика политической культуры современных россиян. То есть понятие «сильная рука» работает на двух разных уровнях: как символический ресурс власти, транслируемый «вниз» [4; 5], и как ориентация в политической культуре россиян, транслируемая ими «наверх» в форме диффузного запроса на единоличного лидера, «наводящего порядок». Это делает ориентацию на «сильную руку» еще более устойчивой.

Не менее важная исследовательская оптика рассматривает «сильную руку» как производную от специфической институциональной системы авторитарного режима в России. Эта оптика явно выражена в работах Генри Хейла, который видит в современном российском авторитарном режиме патрональную политическую систему, для которой характерна жесткая персонификация (персонализация), укорененная в политических институтах и практиках [17]. Это влияет на политическую культуру россиян, их предрасположенность к персонализму, ориентацию на «сильную руку» и другие авторитарные ориентации в целом. Отталкиваясь от подхода Г. Хейла, К.Ю. Рогов рассматривает «сильную руку» как глубинный элемент российской политической культуры и косвенный индикатор запроса на авторитарную, «централизаторскую» модель управления [14; 13, с. 2]. По мнению Рогова, «сильная рука» (авторитарная модель) и противоположная ей ориентация на децентрализацию (демократическая модель) — важные составляющие «политической макроповестки» среди разных протопартийных идеологических групп («западная», «советская», «особистская») [14]. Этот взгляд — следствие разочарования по поводу неудавшегося демократического транзита и важная составляющая «контрреформистской повестки» [12].

Еще одна исследовательская оптика, изучающая ориентацию на «сильную руку», — традиция «советского простого человека» Ю.А. Левады и его коллег. В своих работах они опираются на многочисленные количественные данные массовых опросов ВЦИОМа, а затем «Левада-Центра», проводившихся на протяжении последних трех десятилетий. По мнению социологов, этот взгляд является весьма значимым для политической культуры россиян. Ю.А. Левада рассматривает его в контексте восприятия россиянами политической власти в целом [8], которая может не иметь правовых оснований, зачастую важнее сильный лидер, способный защитить граждан от социального хаоса, беспорядка. Л.Д. Гудков делает акцент на том, что эта ориентация сознательно внедряется политическим режимом [4]. По его мнению, образ сильного лидера — скорее, имитационный, своего рода подражательный персонализм, который легитимирует в сознании россиян приемлемость авторитарной модели правления. Б.В. Дубин рассматривает ориентацию на «сильную руку» как составную часть идеологии российского «особого

пути», отмечая, что это одновременно и нормативный взгляд россиян, и институциональная характеристика системы, подразумевающая центрацию власти, централизацию, персонализм, жесткую регламентацию политической сферы, мобилизационный и чрезвычайный характер политического управления, отчасти сакрализацию лидера. Все это, по его мнению, способствует сохранению институциональной системы «особого пути», консолидации авторитарного режима [5; 6].

Итак, в большинстве работ, использующих все выделенные здесь исследовательские оптики, содержится вывод о том, что в последние годы ориентация на «сильную руку» ярко выражена в политической культуре россиян, однако эмпирически это предположение (а где-то и вывод) практически нигде не проверяется.

Социальная почва «сильной руки»: западные страны и Россия

Эмпирические количественные работы, посвященные социальной почве «сильной руки», встраиваются в более широкую область — исследований авторитарных ориентаций в политической культуре. Прежде всего, это американские работы последних десяти лет и на американских же материалах — данных массовых опросов. Исследования сосредоточивают внимание на изучении социально-демографических и иных факторов, влияющих на приверженность «сильной руке»; связи между такой приверженностью и общей поддержкой демократических институтов, электоральным поведением избирателей; также эта ориентация исследуется в контексте современной волны популизма [15; 19; 20; 25].

У большинства количественных исследований социальной почвы этой ориентации (для США) сопоставимые результаты: чаще всего ее склонны придерживаться более взрослые, менее образованные, менее экономически обеспеченные люди, живущие в малых городах или сельской местности, а также национальные меньшинства, рабочий класс, более религиозные индивиды, респонденты, не удовлетворенные демократическими институтами, не поддерживающие ценности демократии в целом, приверженцы «традиционного полюса» ценностей по Р. Инглхарту, люди с антимигрантскими настроениями.

Исследователи предлагают разные объяснения этих зависимостей, но их объединяет общая идея в духе теории модернизации и эволюционной теории ценностей К. Вельцеля: чем большим объемом ресурсов (социальных, экономических и т. д.) обладает индивид, тем в среднем меньше его ориентация на «сильную руку» и, соответственно, выше продемократические ценности и взгляды. Он более склонен к демократии и ее ценностям как гарантам сохранения своей автономии от потенциально угрожающего ему «большого» государства.

Эмпирических исследований социальной базы «сильной руки» в России практически нет. Однако, отталкиваясь от результатов нашего предыдущего количественного исследования [7], можно заключить, что российская база в целом может быть сопоставима с американской. Три ключевых социально-демографических фактора из пяти работают

сходным образом. На обобщенный показатель приверженности идее «сильной руки»¹ статистически значимо влияют:

- возраст: в среднем чем старше индивид, тем ее уровень выше;
- тип (размер) населенного пункта: чем ниже численность населения, тем выше склонность к идее «сильной руки»;
- субъективный доход: чем он ниже, тем выше приверженность этой ориентации.

Остальные характеристики — пол и образование — незначимые факторы². Эти выводы частично подтверждаются и в работе Г. Чиоззы и Д. Стоянова [16]. Однако есть одно существенное отличие: общая количественная представленность сторонников «сильной руки» в России значительно выше, чем в США (по данным «Левада-Центра», в последние годы — от 70 до 80% россиян [11]); эти показатели были значительно ниже в начале 1990-х годов, но год за годом в среднем увеличивались.

Эмпирические качественные работы, исследующие субъективные смыслы и мотивации, которые вкладываются в ориентацию на «сильную руку», на примере России практически отсутствуют, однако можно выделить два близких по проблематике материала. Первый — статья Н. Мамоновой, которая утверждает, отталкиваясь от данных «Левада-Центра», что эта ориентация в большей степени свойственна жителям сельской местности [18]. После количественного этапа работы она проводит собственные глубинные интервью с жителями Московской, Ставропольской и Владимирской областей (2013–2015, 2017). Анализируя интервью с помощью критического дискурс-анализа, исследователь приходит к выводу, что востребованность этой ориентации частично связана с остатками патриархальной крестьянской культуры. Многие респонденты считают, что политическое устройство России напоминает устройство крестьянской семьи, во главе которой всегда должен стоять хозяин, «сильная рука». Персонализм в политике и концентрация власти в одних руках воспринимаются ими как желаемое благо, «естественный порядок», гарантия социальной стабильности.

Вторая работа — исследование С.А. Белановского, А.В. Никольской и М.Э. Дмитриева [1], выполненное на данных фокус-групп с жителями Москвы, Владимира и Гусь-Хрустального весной 2018 г. Социологи приходят к несколько иным выводам. Они полагают, что за последние

¹ Вопрос-индикатор: «Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, “сильная рука”?», см.: URL: <https://www.levada.ru/2014/04/08/rossiyane-о-silnom-lidere-i-edinovlastii/>

² На обобщенном уровне ориентации пол не показывает значимых эффектов, однако на персонализированном уровне («сильная рука» в образе Путина) женщины более привержены авторитарной ориентации. Кроме этого, идею «сильной руки» поддерживают разные возрастные когорты, а не только люди от 55 лет. Отлично и влияние субъективного дохода: более и менее обеспеченные могут иметь в целом сопоставимые уровни «авторитарности».

годы востребованность «сильной руки» (как и других авторитарных ориентаций) резко снизилась. По их мнению, это связано с экономическим и политическим кризисом в России. Вместе с этим наблюдается появление новых — продемократических — политических ценностей и взглядов.

Таким образом, в процессе работы выяснилось, что систематических исследований субъективных смыслов и мотиваций, которые стоят за ориентацией россиян на «сильную руку», по сути, нет. Это исследование впервые затрагивает данную проблематику, делая ее предметом дискуссии.

Данные и методология

На основе результатов нашего предыдущего количественного исследования социальной базы «сильной руки» [7] для полевой части работы формируется критериальная выборка, то есть в исследование включаются те социальные группы, которые в среднем в большей степени склонны придерживаться ориентации на «сильную руку»³. Обозначим эти параметры выборки: пол — незначимый фактор (мужчин и женщин в исследовании примерно поровну); возраст — преимущественно респонденты от 55 лет (а также для сравнения: люди на 5–15 лет младше этого возраста); образование — преимущественно среднее специальное, среднее, реже — ниже среднего и высшее (в России, согласно количественному анализу, приверженность «сильной руке» не зависит от уровня образования); тип (размер) населенного пункта — преимущественно районные центры и сельская местность; субъективный доход (показатель «Левада-Центра») — «не хватает на еду», «хватает на еду» и «хватает на еду и одежду». Для сравнения в выборку были включены респонденты из соседних с основной группой градаций.

Отталкиваясь от этих базовых условий, в период с 17 по 28 апреля 2017 г. было собрано 28 глубинных интервью в двух регионах — в Калужской и Саратовской областях. По данным «Левада-Центра», между большинством российских регионов и федеральных округов (независимо от уровня их автономии от центра, экономического благосостояния, географии и т. д.) в целом нет значимых различий в показателях приверженности идее «сильной руки». Они в среднем одинаково высоки, однако для сравнения и контроля региональной специфики в исследовании включаются два региона из разных федеральных округов — Центрального и Приволжского. Интервью проводились в двух региональных центрах — в Калуге и Саратове, там было собрано по пять интервью, в районных центрах — в Малоярославце и Петровске — по шесть, в сельской местности — в селе Дetchине и селе Березовке — по три интервью.

Поиск респондентов осуществлялся согласно условиям критериальной выборки, подходящие респонденты отбирались случайным образом на улице. Все интервью проводились в полевых условиях — дома, около

³ В работе используется метод триангуляции; количественные методы необходимы для постановки проблемы качественного исследования, перепроверки и углубления изучаемой проблематики.

дома респондента или в центре населенного пункта, где он проживает. Разговор мог длиться в среднем от 40 минут до двух часов. Респондентам предлагалось принять участие в исследовании, посвященном значимым для них политическим ценностям и взглядам.

В работе используется полуструктурированное глубинное интервью. Это предпочтительный метод сбора данных для критического дискурс-анализа, так как материалы открытых диалогов наиболее ценны для анализа субъективных смыслов и мотиваций, которые могут стоять за интересующей нас авторитарной ориентацией. Интервью включало только открытые вопросы (без вариантов ответов). В беседе респондентам давалась полная свобода аргументации, они не были ограничены тематическими рамками, временем.

В зависимости от респондента, контекста беседы количество тем и их последовательность варьировались. Вопросы касались представления о политической власти в России, ее восприятию; о роли государства, его институтов, их функциях; были также вопросы о концентрации власти и политических свободах, об образе идеального политического устройства страны. Однако ключевая тема интервью, в контексте которой использовались все остальные сюжеты, — значимость представления о единоличном политическом лидере для России; что вкладывают сами респонденты в этот взгляд; внутренняя структура, внешние связи, приемлемость такого правления, возможные альтернативы; персонафицируется ли «сильная рука» в фигурах конкретных политиков (в том числе Путина). Важно подчеркнуть, что в ходе интервью исследовалась не политическая компетентность респондентов, а их восприятие некоторых аспектов политической сферы, уровень «обыденной идеологии».

Основания критического дискурс-анализа

В основе модели критического дискурс-анализа лежат постструктуралистский подход и элементы концепции Рут Водак [24]. В этом исследовании принимаются основные положения ее теории о том, что социальная практика и дискурс находятся в отношениях постоянного взаимовлияния. С помощью дискурса косвенно осуществляются властные отношения. Он является производной от социального порядка, но одновременно способствует формированию и воспроизводству этого порядка. Однако в работе не принимается проблемно-ориентированный подход Водак, то есть деконструирование социального порядка через дискурс-анализ с целью его изменения. В этом исследовании мы, скорее, занимаем позицию отстраненного наблюдателя, а не политического активиста.

Исследование сосредоточивается на анализе скрытых отношений власти, во-первых, через лингвистические особенности речи респондентов — риторические фигуры (семантические и логические); во-вторых, через процессы артикуляции дискурса о «сильной руке» (дискурсивная практика); в-третьих, через исследование более широкого контекста вокруг дискурсивной практики — социальной практики. Ключевыми элементами модели критического дискурс-анализа являются «знак» (базовая единица),

«значение» (смысл знака, содержащийся, например, в риторической фигуре), «устойчивое значение» (смыслы, которые стабильно воспроизводятся), «конкурирующее значение» (неустойчивые значения, за которые идет дискурсивная борьба); «артикуляция», или «дискурсивная практика» (воспроизводство дискурса в процессе коммуникации); «узловая точка» (семантически близкое множество значений, объединенное в одну более общую категорию), «структура дискурса» (относительно устойчивая констелляция узловых точек, их значений, из которых формируется дискурс, например, о «сильной руке»), «интердискурсивность» (смешение в артикуляции разных узловых точек, структур дискурсов из одной тематической области).

(Пере)сборка «сильной руки»: элементы и их значения

В ходе критического дискурс-анализа выяснилось, что ориентация на «сильную руку» имеет устойчиво воспроизводящуюся внутреннюю структуру, состоящую из констелляции семи ключевых элементов (узловых точек). Эта структура имеет несколько важнейших свойств: она воспроизводится в подавляющем числе интервью; узловые точки имеют семантически сопоставимые значения; связи между узловыми точками носят, скорее, сетевой характер, то есть в дискурсивной практике респондентов они взаимосвязаны, взаимоподчинены друг другу, тем самым они образуют устойчивую структуру дискурса, делая ориентацию на «сильную руку» именно нормативным взглядом. Перечислим эти узловые точки⁴.

1. «Целостность» (централизация)

По мнению респондентов, «сильная рука» ассоциируется с единой, централизованной политической властью. В их сознании любое разделение властей, делегирование полномочий воспринимается как слабость режима «сильной руки», которая может привести к социальной дестабилизации.

— *Лучше сильный лидер, один. Не нужны никакие партии* (женщина, 58 лет, среднее образование, пенсионер, сфера услуг, Петровск).

— *Должен быть один лидер, как можно дольше. Чем дольше, тем лучше* (мужчина, 55 лет, среднее специальное образование, строитель, Саратов).

— *Чем больше власти в одних руках, тем лучше. Потому что расхватывают. Когда в Союзе товарищ Ельцин сказал: «Расхватывают суверенитет кто сколько может...» И что получилось? Вот и растащилось все* (мужчина, 55 лет, высшее образование, военный пенсионер, Малоярославец).

2. «Порядок»

«Сильная рука» также ассоциируется с «порядком» (именно это слово используют респонденты), под которым понимаются безопасность,

⁴ Здесь и далее будут выделены некоторые цитаты респондентов, наиболее ярко иллюстрирующие аспекты содержания узловых точек.

сохранение, стабильное воспроизводство существующих социальных институтов и практик. В сознании респондентов порядок — одна из значимых политических ценностей, это сложное общественно-политическое состояние, которое гарантирует режим «сильной руки». Состояние «порядка» вполне достижимо, однако, несмотря на его крепость, оно весьма неустойчиво, его может нарушить любое незначительное событие. По мнению респондентов, противоположность порядка — «беспорядок» («хаос», «бардак», «разброд»), к которому могут привести «излишняя свобода», «демократия», «индивидуализм», политическая, экономическая и иная автономия (субъекта Федерации, какой-либо социальной группы и т. д.). Политические свободы респондентами понимаются как привилегированный, ограниченный ресурс, который перераспределяется «сверху» государством, в противном случае — это «самоуправство». По сути, политические свободы — противоположность порядку, они нежелательны или даже вредят его сохранности.

Состояние «порядка» подразумевает и неправовой характер политических решений, «*перегибы на местах*», но если оно предоставляет определенные социальные гарантии для подавляющего большинства людей, ощущение «сильного государства», «гордости за страну», то воспринимается как приемлемое.

— *Сталин войну выиграл? Выиграл. А сейчас х*** знает что. Он строгий был, и порядок был, хоть боялись его, но был порядок. Украл — отрубили палец. Я за строгость!* (мужчина, 60 лет, среднее специальное образование, строитель, дворник, Саратов).

— *...Народ наш не подготовлен. У нас свобода эта не нужна. Это слишком моральные у человека качества должны быть, очень высокие. А так — нет... вразнос все пойдет* (мужчина, 55 лет, среднее специальное образование, строитель, Саратов).

— *Я старой закалки человек. Я знаю вот, например, когда все отвечают за всё — тогда толку никакого нет. Мы так привыкли — над нами должен быть кто-то, мы должны не то что подчиняться, но над нами кто-то идет. Это идет исстари — всегда нами кто-то руководит. Если нами никто не руководит, тогда начинается разброд, тогда все — начальники, и никто ни за что не отвечает* (женщина, 70 лет, высшее образование, учитель, пенсионер, Малоярославец).

3. «Жесткость» (жестокость)

«Сильная рука», как полагают респонденты, жестока, но ее жестокость оправдана, она направлена на благо подавляющего большинства и сохранение порядка, против тех, кто хочет его подорвать. Жестокость понимается в нескольких значениях — как неотвратимость наказания, как политический стиль управления и как политическая риторика. Ее приемлемость артикулируется и через физический уровень — «расстрелять», «посадить», «отрубить пальцы», «поставить к стенке». Жестокость режима «сильной руки» может не иметь правовых оснований, скорее,

она опирается на представления о «народной правде», об идеях справедливости для большинства. Таким образом, идея «сильной руки» определенным образом выражает эту народную правду, в ней видят инструмент против «проворовавшихся чиновников».

— *Надо вот немножечко прижать. Слишком мы расслабились* (женщина, 56 лет, среднее специальное образование, сфера культуры, Петровск).

— *По-другому и нельзя. Страх был. И стремление в будущее людей. Все на страхе держится. Пока нас не напугать... Дали свободу — страна непуганых идиотов, вот и все* (мужчина, 55 лет, среднее специальное образование, строитель, Саратов).

— *Должно так: украл один раз — к стенке на***. Расстрелять его на***. Вот это была власть. Не то чтобы каждого, а то всю Россию перестрелять можно... Чтобы порядок был, чтобы его боялись...* (мужчина, 60 лет, среднее специальное образование, строитель, дворник, Саратов).

— *А вообще, власть сделана так нормально. Наверное, мы так созданы, по Библии, чтобы над нами должен быть пастух, а мы все — овцы* (женщина, 70 лет, высшее образование, учитель, пенсионер, Малоярославец).

4. «Безальтернативность»

Стиль правления «сильной руки» (для России) понимается респондентами как что-то естественное, самоочевидное, «исконно русское». Безальтернативность может и не устраивать респондентов, однако, по их мнению, на ход вещей практически невозможно повлиять ни отдельному человеку, ни обществу. В политической сфере подавляющее число респондентов считают себя «винтиками», «футбольными мячиками», «земляными людьми», «пескарями», «никем». Режим «сильной руки» может соотноситься с чем-то экстраординарным, выходящим за пределы социального, это определенная данность, как природные явления, — на них нельзя повлиять, к ним можно только адаптироваться.

— *В России всю жизнь так было. Один хозяин в доме, чтобы дети его не разбежались по разным углам* (мужчина, 55 лет, среднее специальное образование, строитель, Саратов).

— *Любого поставь — ничего не изменится. Мы живем в мире большом, зависим от многих причин. Так, как мы хотим, никогда не получится. Всегда придется чем-то поступаться. Все идет как идет. И будет — как должно идти. Все будет как будет! Ничего не сделаешь* (мужчина, 55 лет, среднее специальное образование, строитель, Саратов).

— *У нас по Конституции вся власть принадлежит народу. Ну, в принципе, меня устраивает вся эта вертикаль власти. Снизу доверху. Это при моей жизни было всегда так. Но раньше была Коммунистическая партия. А потом стали президенты. А в принципе — одно и то же* (женщина, 70 лет, высшее образование, учитель, пенсионер, Малоярославец).

5. «Персонификация»

«Сильная рука» чаще всего персонифицируется респондентами в фигуре конкретного политического(-их) лидера(-ов). По мнению респондентов, те или иные исторический период, событие, реформа, как правило, связываются с деятельностью конкретной «сильной руки». Именно под ее руководством достигаются важнейшие политические победы, отчасти она является гарантом статуса великой державы. «Сильная рука» харизматична, но ее харизма приобретаема, она не дается изначально свыше. Как полагают респонденты, в данный момент президент Владимир Путин является такой «сильной рукой», его характеристики сопоставимы с узловыми точками рассматриваемой ориентации. Однако степени «силы» и харизмы нынешнего президента России постоянно претерпевают изменения, это не константа.

— *Вот государство, наше государство, оно действительно едино, потому что я очень уважительно отношусь к Путину. Очень уважительно, так как считаю его и в дальнейшем... он будет президентом* (женщина, 56 лет, среднее специальное образование, сфера культуры, пенсионер, Петровск).

— *Коней на переправе не меняют. Правит человек, знает, а то придет другая метла, будет по-новому* (мужчина, 54 года, среднее специальное образование, сфера строительства, Калуга).

— *Пока Путин идеальный человек. А на замену, ну, не знаю, не знаю... Такого, как Путин... Вот-вот. Он и грамотный, знающий, опытный. Крылатая фраза «и в сортире замочим»! И это даже ему в плюс* (мужчина, 55 лет, высшее образование, военный пенсионер, Малоярославец).

6. «Антиистеблишмент» («царь против бояр»)

«Сильная рука», как отмечают респонденты, является главным инструментом борьбы против бюрократии, политических элит («проворовавшихся чиновников»), которые преследуют только свои интересы и пытаются исказить волю народа, политического лидера, тем самым подрывая политический порядок. «Сильная рука» — определенный арбитр, посредник, помогающий согласовать интересы разных элитных групп, защищая при этом прежде всего обычных людей. Единоличный лидер, как правило, находится в конфронтации с элитами, так как они постоянно «вводят его в заблуждение» («обманули», «скрыли», «своровали»). В этом противостоянии он не всегда побеждает, успевает защитить интересы нуждающихся («физически не успевает дотянуться до всех уголков»), однако это не значит, что от такой системы необходимо отказаться, создав более эффективную модель делегирования власти.

— *Нужен [лидер] такой... чуть пожестче, чем сейчас. Ну и, в принципе, все... Контроль за регионами нужен, а то вот тут много местных царьков. А так... Вроде все нормально. Чтобы местную власть гоняли почаще. Губернаторы здесь наши заедаются* (мужчина, 50 лет, среднее специальное образование, дворник, Детчино).

— Как говорил товарищ Некрасов: «Придет барин, он нас рассудит». Народ надеется на барина. А что делать? Больше нечего делать. Громадная страна. А вы можете представить себя на месте президента? Хотя бы просто так... в фантастическом сне... Рук не хватает, ног, жизни, времени, по большому счету. А дай на откуп это все ребятам, депутатам, ну и что? Депутаты воруют, хорошо это или плохо. Я думаю, что это плохо. Много людей, а они ничего не решают. Это все равно люди, назначенные сверху. Кого-то в клетку сажают, кого выдвигают на вышестоящий... это жизнь (мужчина, 55 лет, высшее образование, военный пенсионер, Малоярославец).

— Много очень непорядочных людей Путина окружают. Все-таки очень много... особенно банкиры эти... (женщина, 68 лет, среднее образование, сфера торговли, пенсионер, Малоярославец).

7. Народность

В понимании респондентов режим «сильной руки», несмотря на его стабильность, находится в перманентном состоянии надвигающегося кризиса («переправы через реку»), который может преодолеть все та же «сильная рука». Она — проводник воли народа, они неразрывно связаны между собой, а чиновники, элиты — лишь звенья, мешающие прямой коммуникации. «Сильная рука» — «своя», «наша», «близкая», но одновременно «далекая», «неконтролируемая» внешняя сила.

— Я считаю, что государство должно уберегать своих. Понимаешь, народ должен быть с государством. Я на него работаю. Я служил в армии. Я делаю все для государства. Так что я государственный человек и подневольный, исполняю Конституцию, живу по ней (мужчина, 54 года, среднее специальное образование, строитель, Калуга).

— Может быть, нужен жесткий политик, который бы взял, так сказать, неподъемную [ношу] и за собой тащил-тащил-тащил. Чтобы народ ему доверял (мужчина, 47 лет, среднее специальное образование, строитель, Детчино).

Эрозия «сильной руки»?

Опираясь на критический дискурс-анализ, мы выделили семь узловых точек — ключевые составляющие ориентации на «сильную руку». Их констелляция, выявленная в дискурсивной практике подавляющего числа респондентов, формирует устойчиво воспроизводящуюся структуру дискурса о «сильной руке». Однако все не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Структура дискурса крайне противоречива и неоднородна. И есть основания полагать, что ориентация на «сильную руку» переживает структурный кризис.

В дискурсивной практике респондентов фиксировался ряд конкурирующих или даже взаимоисключающих значений ориентации. На абстрактном (ценностном) уровне «сильная рука», действительно, является широко востребованной, значения ее узловых точек устойчиво воспроизводятся. Однако, когда респонденты более подробно начинают аргументировать свои позиции, когда сталкиваются с уточняющими

вопросами или начинают говорить о своих повседневных проблемах, локальных вопросах, альтернативах и издержках правления «сильной руки» (личностный уровень), устойчивая структура дискурса может существенно преломляться, терять свои значения. На личностном уровне респонденты могут переходить в открытую критику режима «сильной руки». Однако каких-то устойчивых альтернатив данной ориентации на дискурсивном уровне не появляется.

Антиавторитарный дискурс выражен весьма фрагментарно. Тем не менее у большинства респондентов фиксируется запрос на автономию от государственного патернализма, личную инициативу, кооперацию («чтобы государство не лезло»). Для респондентов важна «открытость» (как оппозиция «сильной руке»), под которой понимается готовность к серьезным политическим изменениям. А также запрос на большее политическое участие, под которым понимается возможность публичного диалога с государством о насущных проблемах.

О кризисе ориентации на «сильную руку» свидетельствует еще один косвенный признак. В дискурсивной практике респондентов в подавляющем числе глубинных интервью фиксируются перманентные и спонтанные «переключения» значений узловых точек на противоположные. Слом или наслаивание взаимоисключающих значений может происходить на протяжении всего интервью — в моменты уточнения ответов интервьюером, смены контекста обсуждения «сильной руки», при переходе на личностный уровень, когда респондент пытается развить свои аргументы.

Можно выделить несколько устойчивых оппозиций, которые встречаются в дискурсивной практике респондентов. При этом в их дискурсе эти взаимоисключающие позиции друг другу не противоречат.

- *Чем выше концентрация власти в одних руках, тем лучше и одновременно — хуже;*
- *Путин может сделать все, но не может сделать ничего;*
- *политическая свобода — благо, но одновременно она является злом;*
- *Россия — сильное, но слабое государство;*
- *власть близка к народу и далека от него;*
- *власть гуманна, но не заботится о своих гражданах.*

О чем может свидетельствовать эта противоречивость? Выделим несколько предполагаемых ключевых причин.

Во-первых, это наслаивание ценностного и личностного уровней в дискурсивной практике — на первом уровне часто фиксируется высокая востребованность ориентации, но при переключении на второй уровень она значительно ниже. Переключение уровней происходит постоянно, мостиками служат, например, такие речевые конструкции: «а на самом деле», «честно говоря», «это не под запись», «но вообще я считаю, что...». Во-вторых, это «следование канону» («эффект социальной желательности») — то есть респонденты пытаются угадать «правильные» позиции (отсюда — повторение риторических клише, их противоречивые наслаи-

вания в дискурсивной практике), отражающие социальные нормы, чтобы не оказаться в воображаемом меньшинстве. В-третьих, это влияние контекста, субъективно маркируемого публичного / частного пространства — значения могут меняться в зависимости от того, где, когда, с кем, при каких условиях происходит артикуляция дискурса. И, в-четвертых, это косвенное отображение своеобразного политического романтизма в политической культуре россиян. Все обозначенные причины могут наслаиваться друг на друга, что делает амбивалентность, противоречивость дискурса о «сильной руке» еще более явной.

Сила и слабость «сильной руки»

Критический дискурс-анализ глубинных интервью с респондентами из отобранной, наиболее консервативной социальной группы подтвердил предположение, что ориентация на «сильную руку» широко востребована в политической культуре современных россиян. Исследование вскрыло внутреннюю структуру ориентации, которая состоит из констелляции семи узловых точек: целостность (централизация), порядок, жесткость (жестокость), безальтернативность, персонификация, антиистеблишмент («царь против бояр») и народность, которые устойчиво воспроизводятся и взаимоподчинены друг другу. Текущий политический режим понимается респондентами как режим «сильной руки», который в целом желателен и необходим для страны. Недавние кризисные явления внутри этого политического порядка воспринимаются не как следствия неэффективности правления «сильной руки» и стимул для поиска альтернативных моделей, а как его недостаточная жесткость в меняющихся обстоятельствах.

Однако верно и другое предположение — о потере значимости «сильной руки» и кризисе ориентации. Здесь работает более сложная логика. Ориентация может быть востребованной и незначимой одновременно, для нее характерны двойственность, амбивалентность, так как в дискурсивной практике респондентов фиксируются наслаивания разных значений внутри одной позиции.

С одной стороны, «сильная рука», по мнению респондентов, — это желаемое общественное благо, образ политического лидера, заботящегося об интересах простых россиян. Это легитимный выразитель народной воли, инструмент борьбы с коррумпированными представителями политических элит, чиновниками. «Сильная рука» отождествляется со справедливым «порядком» (с безопасностью, стабильностью, сохранением), его альтернатива — «хаос» (социальная дестабилизация). Порядок может быть несовершенным, но он в каком-то смысле безальтернативен, на него нельзя повлиять.

С другой стороны, есть аргументы, подтверждающие, что режим «сильной руки» находится в глубоком кризисе. Во-первых, фиксируется его косвенное неприятие через серьезное недовольство «общим положением дел в стране». Во-вторых, перманентные угадывания социально приемлемой точки зрения, как следствие, наслаивание противоречивых риторических конструкций. В дискурсе подобные имитации

могут ломаться, например, во время рассуждений самого респондента, смены контекста. Можно предположить, что выстраивание социально приемлемой позиции необходимо респондентам, чтобы не утратить символическую коллективную принадлежность. В-третьих, в дискурсивной практике фиксируются два уровня артикуляции ориентации: ценностный (абстрактное благо) и личностный (контекст повседневной жизни респондента, как работает «сильная рука», например, в решении локальных проблем). Первый уровень отличает устойчиво высокая востребованность, второй — серьезное неприятие «сильной руки». Это предположение косвенно подтверждается предыдущим количественным исследованием. Однако, несмотря на приведенные аргументы, конкурирующие антиавторитарные представления фрагментарны и не складываются в устойчивую альтернативную структуру дискурса.

Исследования через призму критического дискурс-анализа помогают по-новому взглянуть на некоторые особенности политической культуры россиян и выявить скрытые отношения власти, стоящие за ориентацией на «сильную руку». Мы можем говорить по крайней мере о двух возникающих проблемах.

Взаимовлияние культуры и институтов. Высокая востребованность ориентации в политической культуре является косвенным отражением запроса на авторитарный стиль правления, отражением патрональной авторитарной системы с жесткой персонификацией, укорененной в политических институтах и практиках [17]. То есть авторитарность в политической культуре сочетается с авторитаризмом на институциональном уровне [22], они взаимно влияют и «подпитывают» друг друга, сохраняя status quo.

Проблема социального контракта. Специфика структуры дискурса о «сильной руке» является важнейшим косвенным индикатором, описывающим природу социального контракта (обмена) [10] между российским обществом и государством, который по-своему рационален и выгоден для двух сторон. Многие люди готовы отказаться от политического участия, открытого противодействия режиму и отстаивания своих интересов в отдаленном будущем в обмен на текущую стабильность, социальные гарантии, сохранение status quo, который не всегда устраивает, но в целом отличается понятными и предсказуемыми правилами игры. Этот феномен хорошо описывается термином Самуэля Грина «рациональная неподвижность» [3]: издержки от противодействия, альтернативных способов политического участия, вовлечения в политику в принципе выше, чем потенциальные выгоды, которые могут быть получены в отдаленном будущем. Для такого типа политической культуры может быть характерно доминирование ценностей сохранения (традиция, конформность, безопасность), по классификации Шалом Шварца [23], тех ценностей, востребованность которых косвенно подтверждается и в этой работе.

Можно предположить, что высокая востребованность «сильной руки» есть следствие не традиционализма политической культуры современных россиян, а констелляции целого ряда разнородных факторов. К ним можно отнести сохранность институтов авторитарного режима,

стратегии адаптации к ним общества, последствия травматичных либерально-демократических реформ 1990-х, сознательную эксплуатацию ориентации политической элитой для сохранения status quo, своего рода имитационный традиционализм. Однако, несмотря на эти факторы, как мы выяснили в ходе исследования, есть серьезные основания полагать, что структура дискурса о «сильной руке» неоднородна, восприятие этой идеи амбивалентно, в целом она может переживать глубокий, неявно выраженный кризис. Для действующих политических элит идея «сильной руки» является важнейшим символическим ресурсом, идеологическим фундаментом существующего режима, и если ориентация претерпевает кризис, то впоследствии это не может не повлиять на всю систему легитимации нынешнего политического порядка, общую композицию авторитарного режима, дизайн его институтов, практик и специфику социального контракта между обществом и государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белановский С.А., Никольская А.В., Дмитриев М.Э. Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 5–18. DOI: 10.31857/S086904990003939-4
2. Государственный патернализм // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центр»). 25.02.2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 07.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/>
3. Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. 2011. № 1–2. С. 6–19.
4. Гудков Л.Д. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2009. № 3. С. 6–21.
5. Дубин Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2006. № 1. С. 14–25.
6. Дубин Б.В. «Особый путь» и социальный порядок в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2010. № 1. С. 8–18.
7. Земцов А.О. «Сильная рука»: авторитарность в политической культуре современных россиян // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 4. С. 87–110. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-87-110
8. Левада Ю.А. Феномен власти в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 9–15.
9. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2015. № 3. С. 74–93.
10. Мельвил А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 1. С. 29–45.
11. Общественное мнение-2019. Ежегодник // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центр»). 2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2018/>

12. *Рогов К.Ю.* Политические циклы постсоветского транзита // Pro et contra. 2012. № 4–5. С. 6–32.
13. *Рогов К.Ю.* «Крымский синдром»: механизмы авторитарной мобилизации // Контрапункт. 2015. № 1. С. 1–18.
14. *Рогов К.Ю.* Политическая реакция в России и «партийные группы» в российском обществе // Контрапункт. 2016. № 6. С. 1–21.
15. *Drutman L., Diamond L., Goldman J.* Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group, 2018. — 42 p.
16. *Chiozza G., Stoyanov D.* The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion // Problems of Post-Communism. 2017. Vol. 65. No. 6. P. 419–433. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2017.1328984>
17. *Hale H.* Russian Patronal Politics Beyond Putin // Daedalus. 2017. Vol. 146. No. 2. P. 30–40.
18. *Mamonova N.* Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia? // The Journal of Peasant Studies. 2019. Vol. 46. No. 3 [online]. Accessed 19.12.2019. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439>.
19. *Miller S.* Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems // Political Behavior. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 457–478.
20. *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. New York: Cambridge University Press, 2018. — 564 p.
21. *Robinson N.* Russian Neo-patrimonialism and Putin’s “Cultural Turn” // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. No. 2. P. 348–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1265916>
22. *Rokkan S., Campbell A.* Norway and the United States of America // International Social Science Journal. 1960. Vol. 12. No. 1. P. 66–99.
23. *Schwartz S.* Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.
24. *Wodak R.* The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. 2nd rev. ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. — 252 p.
25. *Womick J., Rothmund T., Azevedo F., King L., Jost J.* Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.S. Presidential Election // Social Psychological and Personality Science. 2018. Vol. 20. No. 10. P. 1–10. DOI: [10.1177/1948550618778290](https://doi.org/10.1177/1948550618778290)
26. *Worth O.* Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar? // Politics. 2009. Vol. 29. No. 1. P. 53–61.

Дата поступления: 26.06.2020.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. No. 4. P. 96–115. DOI: [10.19181/socjour.2020.26.4.7645](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7645)

A.O. ZEMTSOV

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Artyom O. Zemtsov — Assistant, Graduate Student, Intern Researcher, Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, Laboratory for Comparative Studies of Mass Consciousness, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (903) 543-78-27. **Email:** artyom.zemtsov@gmail.com

THE END OF THE “STRONG HAND”? CRITICAL DISCOURSE-ANALYSIS OF THE ALIGNMENT IN THE POLITICAL CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE

Abstract. This paper is dedicated to studying the subjective meanings and motivations which modern Russians attribute to the normative view on the role of the “strong hand”. It was explored as one of the key characteristics of authoritarianism in the Russian people’s political culture. The author studies its internal structure, to what extent this view is in demand, how exactly this notion is reproduced and rationalized at a discourse level. This view was investigated using critical discourse analysis, while identifying the implicit power balance based on data from semi-structured in-depth interviews with respondents from regional and district centers as well as from rural areas – these were people from the most conservative social groups (according to quantitative study findings based on data from the “Levada-Center”). Upon investigation it turns out that the “strong hand” discourse structure is extremely contradictory and heterogeneous. On one hand, at an abstract value level, it is very popular and continuously being reproduced. The “strong hand” consists of seven essential elements, subjective meanings: “continuity”, “order”, “rigidity”, “no alternative”, “personification”, “anti-establishment”, “folk character”. On the other hand, at a personal level, such an orientation can lose a significant amount of its potency when the context is broadened, supplemented with institutional alternatives etc. However stable alternatives do not seem to be appearing in the field of discourse.

The author concludes that the demand for a strong hand is not an effect of a “special” political culture, but rather a combination of many factors: preserving the authoritarian regime’s institutions, citizens’ rational strategies for adapting to them, a failed democratic transition, the painful reforms of the 1990’s, the intentional exploitation of this orientation by the political elite, etc. However, there are reasons to assume that this authoritarian orientation is in a severe state of crisis. It has no effect on the political regime’s legitimization for which the “strong hand” is the most important symbolic resource.

Keywords: strong hand; authoritarianism; political culture; political orientations; critical discourse analysis.

For citation: Zemtsov A.O. The End of the “Strong Hand”? Critical Discourse-Analysis of the Alignment in the Political Culture of the Russian People. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 96–115. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7645

REFERENCES

1. Belanovskii S.A., Nikol’skaya A.V., Dmitriev M.E. Signs of fundamental shifts in the mass consciousness of RussianP. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 2019. No. 1. P. 5–18. DOI: 10.31857/S086904990003939-4 (In Russ.)
2. State paternalism. *Ofitsial’nyi sait Analiticheskogo tsentra Yuriya Levady («Levada-Tsentr»)*. [Official site of the Yuri Levada Analytical Center (“Levada-Center”).] 25.02.2020. Accessed 07.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/> (In Russ.)
3. Grin P. The nature of the quiescence of Russian society. *Pro et Contra*. 2011. No. 1–2. P. 6–19.
4. Gudkov L.D. The nature of “putinism”. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2009. No. 3. P. 6–21. (In Russ.)
5. Dubin B.V. Simulative power and ceremonial politics. On the political culture of modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussiya*. 2006. No. 1. P. 14–25. (In Russ.)

6. Dubin B.V. “Special path” and social order in modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Damnye. Analiz. Diskussiya*. 2010. No. 1. P. 8–18. (In Russ.)
7. Zemtsov A.O. “Strong hand”: Authoritarianism in the political culture of modern Russians. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2019. No. 4. P. 87–110. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-87-110 (In Russ.)
8. Levada Yu.A. The phenomenon of power in public opinion. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 1998. No. 5. P. 9–15. (In Russ.)
9. Magun V.S., Rudnev M.G., Shmidt P. European value typology and basic values of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Damnye. Analiz. Diskussiya*. 2015. No. 3. P. 74–93. (In Russ.)
10. Mel’vil’ A.Yu. Neoconservative Consensus in Russia? Main Components, Factors of Stability, Potential of Erosion. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2017. No. 1. P. 29–45. (In Russ.)
11. Public opinion-2019. Annual. *Ofitsial’nyi sait Analiticheskogo tsentra Yuriya Levady («Levada-Tsentr»)*. 2020 [Official site of the Yuri Levada Analytical Center (“Levada-Center”).] Accessed 10.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2018/> (In Russ.)
12. Rogov K.Yu. Political cycles of post-Soviet transit. *Pro et contra*. 2012. No. 4–5. P. 6–32. (In Russ.)
13. Rogov K.Yu. “Crimean syndrome”: Mechanisms of authoritarian mobilization. *Kontrapunkt*. 2015. No. 1. P. 1–18. (In Russ.)
14. Rogov K.Yu. Political reaction in Russia and “party groups” in Russian society. *Kontrapunkt*. 2016. No. 6. P. 1–21. (In Russ.)
15. Drutman L., Diamond L., Goldman J. *Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism*. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group, 2018. 42 p.
16. Chiozza G., Stoyanov D. The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion. *Problems of Post-Communism*. 2017. Vol. 65. No. 6. P. 419–433. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2017.1328984>
17. Hale H. Russian Patronal Politics Beyond Putin. *Daedalus*. 2017. Vol. 146. No. 2. P. 30–40.
18. Mamonova N. Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia? *The Journal of Peasant Studies*. 2019. Vol. 46. No. 3. Accessed 19.12.2019. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439>.
19. Miller P. Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems. *Political Behavior*. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 457–478.
20. Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. N.Y.: Cambridge University Press, 2018. 564 p.
21. Robinson N. Russian Neo-patrimonialism and Putin’s “Cultural Turn”. *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. No. 2. P. 348–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1265916>
22. Rokkan S., Campbell A. Norway and the United States of America. *International Social Science Journal*. 1960. Vol. 12. No. 1. P. 66–99.
23. Schwartz P. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.
24. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. 2nd rev. ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.
25. Womick J., Rothmund T., Azevedo F., King L., Jost J. Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.P. Presidential Election. *Social Psychological and Personality Science*. 2018. Vol. 20. No. 10. P. 1–10. DOI: 10.1177/1948550618778290
26. Worth O. Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar? *Politics*. 2009. Vol. 29. No. 1. P. 53–61.